

Тихомиров П. В. Новости западной философской литературы:
(Статья 2-я:) Логика и теория знания // Богословский вестник 1896.
Т. 2. № 5. С. 322–338 (2-я пагин.). (Начало.)

Новости западной философской литературы.

(Статья вторая).

Логика и Теорія знанія.

Наибольше крупной новостью в западно-европейской литературе по логике и теории знания за последние годы является второе издание логики маститого германского мыслителя *Вильгельма Вундта*. Книга эта совершенно справедливо считается „изложением итогов всей научной работы истекающего столетия и предисловием к новым великим открытиям в области экспериментальной психологии и метафизики, которые предстоят будущему столетию“ (Вопросы фил. и псих., 1895 г. кн. 5, стр. 626 в спец. отд.). Но мы в настоящей статье не будем говорить об этом капитальном труде, — с одной стороны, потому, что оценить его истинное научное значение в маленькой библиографической заметке было бы совершенно невозможно, а с другой, — потому, что сообщение об этой книге было уже в „Вопросах философии и психологии“ за прошлый год, и затем там же общается в непродолжительном времени более обстоятельная ее оценка (проф. Н. Я. Гротом), к которой мы и находим более удобным отослать русских читателей. Книги, о которых будет наша речь, представляют собою, можно сказать, явления значительно низшего порядка, чем работа Вундта, но тем не менее они заслуживают внимания и, — насколько нам известно, — доселе еще не обозревались в русских журналах.

I.

Friedrich Kirchner, *Katechismus der Logik*. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Mit 36 in den Text gedruckten Abbildungen. Leipzig. 1890. SS. VIII+245. In. 16°.

Книжка Кирхнера принадлежит къ громадной серіи „катехизисовъ“ по разнымъ наукамъ, изданныхъ Лейпцигской книжною фирмой Вебера и преслѣдующихъ цѣль самой широкой популяризаціи научныхъ знаній (подобно нашей Московской „Библіотекѣ для самообразованія“). Трудъ свой авторъ предназначаетъ въ пособіе учащимъ и учащимся въ университетахъ и гимназіяхъ и въ руководство вообще образованнымъ людямъ, интересующимся логикой (S. III). Соотвѣтственно такой цѣли, онъ, по его собственнымъ словамъ, старался „соединить общедоступность изложенія съ научной основательностью“, не обходя, однако, ни одного труднаго вопроса и лишь избѣгая схоластическаго формализма. Обширной новѣйшей литературой предмета, авторъ пользуется въ своей книгѣ и—довольно умѣло, т. е. не входя въ излишнія подробности, но и не замалчивая существеннаго, такъ что читатель съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на Тренделенбурга, Лотце, Зигварта, Вундта, Навиля и др. Не игнорируется также и старая литература (Аристотель, схоластики, Лейбницъ, Кантъ и др.). Пріятное впечатлѣніе производитъ, затѣмъ, и введенная въ книгу, достаточно обстоятельная для учебника, исторія логики (SS. 15—51). Вопросы, какими задается здѣсь авторъ, и даваемые на нихъ отвѣты показываютъ, что онъ совершенно правильно понимаетъ значеніе исторіи науки для ея положительной разработки и дѣйствительно съумѣлъ отмѣтить все наиболѣе существенное въ этомъ отношеніи. Вообще, претензія книги на научную основательность,—если разумѣть подъ послѣднюю умѣнье не упустить ничего существеннаго изъ выработаннаго въ наукѣ дослѣ,—должна быть признана въ значительной мѣрѣ справедливой.

Менѣе основательны претензіи автора на новизну и самостоятельность въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ,—напр., о различіи понятія отъ логическаго представленія (SS. 110—

114), о категоріяхъ (SS. 121—133), о различіи противоположныхъ и противорѣчащихъ понятій (SS. 141—145), о сужденіяхъ аналитическихъ, синтетическихъ, апіорныхъ и апостеріорныхъ (SS. 150—152) и др. (ср. S. VI). Несомнѣнно, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, равно какъ и вообще во всей книгѣ, онъ не относился рабски къ своимъ пособіямъ; но, съ другой стороны, и признать, что онъ здѣсь высказываетъ что-либо существенно новое,—было-бы слишкомъ много.

Планъ разсматриваемой книги таковъ. Начинается она введеніемъ (SS. 3—53), которое содержитъ въ себѣ установку понятія о логикѣ (§ 1), трактатъ объ отношеніи логики къ другимъ наукамъ (§ 2), исторію логики (§ 3) и раздѣленіе логики (§ 4). Затѣмъ слѣдуетъ I-я часть,—теорія знанія (SS. 54—108), трактующая о сущности познанія (§ 5), о самосознаніи (§ 6), о познаваемости внѣшняго міра (§ 7), о достовѣрности нашего знанія (§ 8) и объ основныхъ логическихъ законахъ (§ 9). II-я часть содержитъ ученіе объ элементарныхъ формахъ мышленія (*Elementarlehre*, SS. 109—203), т. е. сужденіяхъ, понятіяхъ и умозаключеніяхъ, а III-я—о такъ наз. систематическихъ формахъ (*Methodenlehre*, SS. 204—240), т. е. объ опредѣленіи (§ 23), раздѣленіи (§ 24), доказательствѣ (§ 25), софизмахъ (§ 26) и методахъ (§ 27). Какъ видимъ, планъ въ общемъ довольно шаблонный, особенно въ нѣмецкихъ руководствахъ. Главнымъ недостаткомъ этого плана является почти полное пренебреженіе теоріей индукціи: послѣдняя кратко лишь затрогивается въ трактатѣ о методѣ (SS. 232—237). Затѣмъ, на нашъ взглядъ, незаконно введеніе въ курсъ логики теоріи знанія,—недостатокъ, которымъ грѣшитъ большинство нѣмецкихъ учебниковъ; что, впрочемъ, кажется, объясняется требованіями экзаменаціонныхъ программъ. Вопросы теоріи знанія до сихъ поръ служатъ предметомъ споровъ и противорѣчивыхъ обсужденій. Желательно бы, поэтому, разработку логики, которая доселѣ считается той нейтральной почвой, на какой могутъ сойтись мыслители самыхъ противоположныхъ направленій для провѣрки взаимныхъ своихъ разпогласій, не ставить въ зависимость отъ такой или иной теоріи знанія.

Въ подробностяхъ содержанія книги Кирхнера трудно

указать что-либо заслуживающее нарочитаго упоминанія. Это—просто хорошій учебникъ съ обычнымъ учебнымъ матеріаломъ. Усвоенію этого матеріала особенно можетъ способствовать принятый авторомъ вопросо-отвѣтный способъ изложенія: плодомъ такого способа изложенія является замѣчательная отчетливость и раздѣльность излагаемаго содержанія. Переведенная на русскій языкъ, книжка эта могла-бы съ честью занять мѣсто въ ряду нашихъ учебныхъ руководствъ по логикѣ.

II.

Gustav Glogau, Die Hauptlehren der Logik und Wissenschaftslehre. Kiel u. Leipzig. 1894. SS. XVI + 190. In 8°.

Аналогичное съ катехизисомъ Кирхнера имѣетъ назначеніе и книга Глогау. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что старался ею удовлетворить потребностямъ студентовъ и молодыхъ людей, готовящихся къ докторскимъ экзаменамъ. Существующія по этому предмету руководства кажутся ему не отвѣчающими сущности и цѣли экзаменовъ, „Когда мы слышимъ, говоритъ онъ, какъ, напр., молодые естествоиспытатели, прошедшіе реальную гимназію и лишенные всякаго представленія о сущности эллинизма спрашиваютъ изъ философіи о Θαλεσῆι или Γερακλιτῆι и Πιθαγορείαισινъ вмѣсто Лейбница и Лотце; или когда мы видимъ, какъ у нихъ логическія знанія со стороны своей достовѣрности оцѣниваются по Кантовской таблицѣ категорій или по модусамъ силлогистическихъ фигуръ, а о самой сущности научнаго мышленія они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія: то мнѣ думается, что такой экзамень лучше-бы было совсѣмъ уничтожить, чѣмъ допускать, чтобы внѣшнимъ образомъ выученная схоластика дѣлала для молодыхъ умовъ философію навсегда предметомъ пренебреженія“ (S. VII). Въ противоположность этому, авторъ въ своей книгѣ желаетъ, по его словамъ, всюду сдѣлать для учащихся наглядными прежде всего *мотивы* научнаго мышленія и показать, какъ они проявляются въ особыхъ формахъ и методахъ научнаго изслѣдованія (*ibid.*). Такими широкими намѣреніями задается авторъ.

Обращаясь къ содержанію книги, мы видимъ, что она по количеству поднимаемыхъ и обсуждаемыхъ вопросовъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этимъ авторскимъ намѣреніямъ: она даетъ не только логику, но и теорію знанія и даже въ значительной мѣрѣ метафизику, такъ что съ этой точки зрѣнія, авторъ имѣлъ право сказать въ концѣ своего труда, что онъ изложилъ здѣсь „сжато и точно свое пониманіе всѣхъ главныхъ задачъ науки“ (S. 190).

Во введеніи въ свою книгу авторъ говоритъ о различіи естественнаго и философскаго пониманія вещей и о значеніи философіи для оцѣнки принциповъ и выводовъ спеціальныхъ наукъ (SS. 1—3). Самая книга распадается на двѣ части—логику (SS. 5—102) и наукоученіе (SS. 103—190). I-я глава логики трактуетъ объ идеѣ истины или логическихъ и онтологическихъ предположеніяхъ познанія. Здѣсь прежде всего устанавливается самодостовѣрность законовъ мысли, какъ послѣднее основаніе всякой научной достовѣрности (SS. 7—8). Затѣмъ говорится объ основоположеніяхъ логики, или законахъ мышленія. Этихъ законовъ авторъ считаетъ четыре или, точнѣе, — двѣ пары взаимно дополняющихъ другъ друга законовъ: законъ тождества и противорѣчія и законъ тождественнаго отношенія и недопущенія случайной перемѣны (*Abwehr des zufälligen Wechsels*). Первые два достаточно знакомы всѣмъ изучавшимъ логику, о двухъ же послѣднихъ необходимо сказать нѣсколько словъ: Законъ тождественнаго отношенія формулируется такъ: если съ А дано В, такъ съ А дано всегда именно В, иначе — если за А слѣдуетъ В, то за А слѣдуетъ всегда именно В, или, короче, отношеніе А къ В всегда равно самому себѣ. Въ объ'ективномъ познаніи природы законъ этотъ имѣетъ то значеніе, что въ міровыхъ явленіяхъ господствуютъ не произволь или случайность, а неизмѣнныя отношенія. Законъ недопущенія случайной перемѣны есть отрицательная форма закона тождественнаго отношенія: если А есть В, то А не есть *non-В* (напр. С, D и т. д.). Удобнѣйшими латинскими названіями авторъ считаетъ—для перваго *principium identitatis relationis*, а для втораго *pr. contradictionis diversae relationis*. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ замѣнить собою законъ достаточнаго основанія прежнихъ логикъ (SS. 8—12). Не трудно

видѣть въ этихъ законахъ попытку свести законы причинности и достаточнаго основанія на логическій законъ тождества, — мысль уже не новая, какъ на западѣ, такъ и у насъ. Но раскрытіе и обоснованіе этой мысли кажется намъ весьма недостаточнымъ, вслѣдствіе крайней сжатости и схематичности. — Послѣ этого слѣдуютъ трактаты объ основныхъ онтологическихъ понятіяхъ (SS. 12—17) и о задачѣ и составѣ логики (SS. 17—18).

За первую вводной въ логику главой, излагаются — во II-й главѣ ученіе о сужденіи (SS. 19—38), а въ III-й ученіе объ умозаключеніи или, какъ выражается авторъ, о принципахъ прогрессивнаго и регрессивнаго синтеза (SS. 39—66). Обѣ эти главы достаточно обильны содержаніемъ. Напр. въ главѣ о сужденіяхъ къ обычному въ этомъ случаѣ матеріалу присоединено интересное обзорнѣе вопроса объ общихъ сужденіяхъ, въ главѣ объ умозаключеніи—трактатъ о математической индукціи и т. п. Жаль только, что ученіе о естественно-научной индукціи мало затронуто.

Ученіе о понятіи, авторъ относитъ къ IV-й главѣ, говорящей о формахъ систематическаго мышленія. Въ этой же главѣ разсматриваются вопросы—о классификаціи, системѣ и спекуляціи (SS. 67—102).

Вторая часть книги Глогау, — наукоученіе (SS. 103—190), — содержитъ изслѣдованіе вопросовъ—объ основныхъ понятіяхъ физики (матерія и сила), химіи (сдѣпленіе, прилипаніе, сродство, атомъ, молекула и т. п.), фізіологіи (жизнь), психологіи, этики и теоретической дѣятельности духа въ искусствѣ, наукѣ и религіи, о пространствѣ и времени и о взаимоотношеніяхъ природы и духа, Бога и міра. Входитъ въ подробности рѣшенія авторомъ этихъ вопросовъ, мы не будемъ. Замѣтимъ только, что онъ принадлежитъ къ школѣ Гербарта и является спеціальнымъ приверженцемъ Штейн-таля.

Обиліе обсуждаемыхъ въ книгѣ Глогау вопросовъ, при маломъ ея объемѣ, сдѣлало для автора невозможнымъ дать что-либо болѣе сжатаго конспекта своей философской системы;—для научной обработки матеріала естественно не осталось мѣста. Ссылки на литературу и критико-полеми-ческие экскурсы очень малочисленны. Вообще, изложеніе сильно отличается догматическимъ характеромъ. Такимъ

образомъ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ разсматриваемая книга далеко не отвѣчаетъ тѣмъ широкимъ намѣреніямъ, какія заявлены авторомъ въ предисловіи. Тѣмъ не менѣе, въ ряду учебныхъ пособій по логикѣ, гносеологіи и метафизикѣ она можетъ считаться весьма не безполезнаю, какъ толковый и серьезный *repetitorium*.

III.

G. Milhaud, Essai sur les conditions et les limites de la certitude logique. Paris. 1894. Pp. 237. in 8-o

Сочиненіе Мило посвящено спеціальному вопросу—о предѣлахъ значенія логическаго закона противорѣчія и имѣеть цѣлью показать, что логическое противорѣчіе не уполномочиваетъ ни на какое утвержденіе внѣ частныхъ наблюдаемыхъ фактовъ, что, слѣдовательно, совершенно иллюзорны попытки философовъ апріористовъ дать, — пользуясь закономъ противорѣчія, какъ критеріемъ достовѣрности, — окончательное рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ о сверхъ опытнымъ (Preface et pp. 38—39). Книга состоитъ изъ трехъ частей.

Въ первой части авторъ старается установить свой тезисъ положительно, — анализомъ, тѣхъ условій, при которыхъ мы открываемъ логическое противорѣчіе (pp. 1—39). Противорѣчіе возникаетъ всякій разъ, когда мы отступаемъ отъ принятыхъ нами или научно установленныхъ опредѣленій. Скажите физику, что вы нашли амміакъ, нерастворимый въ водѣ; — онъ вамъ, не колеблясь, отвѣтитъ, что это—вздоръ. На чемъ-же, въ концѣ концовъ, покоится его такая твердая увѣренность? — Если вы спросите его объ этомъ, то онъ спокойно отвѣтитъ: „амміакъ, который оказался-бы нерастворимымъ въ водѣ, не былъ бы болѣе амміакомъ“. Растворимость въ водѣ входитъ въ самое опредѣленіе этого газа (pp. 28—29). Законъ противорѣчія предохраняетъ лишь насъ отъ внесенія въ систему нашихъ знаній, взаимно уничтожающихъ другъ друга элементовъ, но не уполномочиваетъ ни на какія положительныя утвержденія, не содержащіяся въ принятомъ уже нами ранѣе за истину. Отсюда слѣдуетъ несостоятельность мнѣнія, признающаго критеріемъ

истины немислимость противоположнаго: извѣстный тезисъ уже долженъ быть ранѣе признанъ за истину, чтобы его антитезисъ могъ быть объявленъ ложнымъ.—Принципъ противорѣчія никогда не уполномочиваетъ ни на какое положительное утвержденіе о вещахъ, если только онъ не опирается, въ своемъ приложеніи, на прямое наблюденіе нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ или на какую-нибудь гипотезу, принятую заранѣе, на основаніи индуктивнаго изученія фактовъ, или на какой-нибудь метафизическій взглядъ (р. 38).

Во второй части (pp. 40—124) разсматриваются условія логической достовѣрности въ математикѣ. „Надо, говоритъ авторъ, различать, когда говорятъ о математической очевидности, два разныхъ смысла, въ какихъ понимаютъ это выраженіе. Дѣло можетъ итти или о непосредственной интуиціи, при помощи которой мы усматриваемъ истину извѣстныхъ предложеній, или о тѣхъ строгихъ дедукціяхъ, въ какихъ располагаются математическія доказательства. Другими словами, можно имѣть въ виду или аксіомы, — первыя и основныя истины, или длинную цѣпь выводимыхъ отсюда предложеній“ (р. 42). Разсматривая аксіомы, Мило находитъ, что очевидность ихъ такъ-же мало покоится на немислимости противоположнаго, какъ и достовѣрность всякаго ощущенія. Чему противорѣчило-бы утвержденіе, что двѣ прямыя линіи могутъ ограничивать пространство? Тому факту, что это—прямыя линіи? Но въ чемъ состоитъ этотъ фактъ?—Не болѣе, какъ въ непосредственномъ воспріятіи, общемъ всѣмъ людямъ. Но если-бы очевидность этой интуиціи оправдывалась закономъ противорѣчія, то необходимо было-бы говорить, что и воспринимая бѣлую бумагу, я потому убѣжденъ въ ея бѣлизнѣ, что всякій другой ея цвѣтъ противорѣчилъ-бы получаемому мною отъ нея ощущенію (pp. 43—44). Обращаясь къ математическимъ доказательствамъ, авторъ находитъ, что они всегда состоятъ въ сведеніи къ первоначально принятымъ опредѣленіямъ или аксіомамъ (pp. 51—53). Стало быть, законъ противорѣчія,—напр. въ доказательствахъ отъ противнаго,—имѣетъ значеніе не орудія новыхъ выводовъ, а лишь средства привести въ ясность связь доказываемаго положенія съ раннѣйшими допущеніями.

Далѣе авторъ разсматриваетъ вопросъ о приложеніи ма-

тематики къ физикѣ (pp. 53 sq.). Объ условіяхъ математическаго анализа арифметическихъ чиселъ (pp. 67—77), алгебраическихъ величинъ (pp. 78 sq.), геометрическихъ положеній и т. п. Затѣмъ онъ разсуждаетъ о роли математики въ общей системѣ нашихъ знаній (pp. 98—124) и приходитъ къ выводу, что математика никогда не даетъ намъ права высказывать, во имя закона противорѣчія, какое-либо утвержденіе относительно ненаблюдавшихся фактовъ (p. 122).

Третья часть книги Мило посвящена изслѣдованію нѣкоторыхъ философскихъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ въ разное время пытались дать, опираясь на законъ противорѣчія (pp. 125—232). Она распродается на три главы: I-ая гл. — о механизмѣ и свободѣ (pp. 125—147), II-ая — о философскихъ слѣдствіяхъ изъ не-Эвклидовой геометріи (pp. 148—196), III-я — разборъ космологическихъ антиномій Канта (pp. 197—232). Подробно излагать содержаніе этихъ главъ нѣтъ надобности.

Книга Мило имѣетъ весьма большой интересъ для занимающихся теоріей знанія и метафизикой. Какъ-бы кто ни сталъ относиться къ сужденіямъ автора, они, во всякомъ случаѣ, вполне заслуживаютъ того, чтобы съ ними серьезно считаться.

IV.

Ф. Э. Уэтерли. Основы индуктивной и дедуктивной логики съ приложеніемъ таблицъ. Переведено съ англійскаго *Л. Гольдмерштейномъ*. Кіевъ 1894. Стр. 90. in 16°.

Говоря о цѣли логики, авторъ даетъ два опредѣленія этой науки: 1, „Наука о законахъ мышленія“ и 2, „Искусство правильнаго умозаключенія“ (стр. 1). Эти два опредѣленія, по его мнѣнію, отнюдь не исключаютъ другъ отъ друга. „Наука, говоритъ онъ, даетъ намъ законы, искусство сообщаетъ правила. Наука есть пытливая госпожа — Почему? искусство есть практичная госпожа — Какъ? На этомъ основаніи — 1, Логика, какъ наука, изслѣдуетъ и разъясняетъ различныя дѣйствія, при которыхъ оправдываются законы мышленія; 2, Логика, какъ искусство, даетъ извѣстное количество правилъ для правильнаго мышленія и умо-

заключенія“ (стр. 2). Отношеніе логики къ психологіи авторъ схематически представляетъ такъ:

Логика скорѣе $\left\{ \begin{array}{l} \text{Терминами,} \\ \text{Предложеніями,} \\ \text{Выводами,} \end{array} \right\}$ чѣмъ $\left\{ \begin{array}{l} \text{Представленіями,} \\ \text{Сужденіями,} \\ \text{Умозаклученіями.} \end{array} \right\}$
 занимается . . .

Послѣдвія болѣе принадлежать психологіи чѣмъ логикѣ (стр. 6). Таковы наиболѣе бросающіяся въ глаза мысли I-ой, вводной, главы книжки Уэтерли. Въ общемъ воззрѣнія эти надо признать правильными, хотя и недостаточно обстоятельно и хорошо раскрытыми. Мы указали ихъ, впрочемъ, только затѣмъ, чтобы характеризовать то направленіе, къ которому принадлежитъ авторъ;—чѣго-либо новаго или своеобразнаго въ нихъ, конечно, нѣтъ. Не трудно видѣть, что пониманіе авторомъ задачи логики—совершенно обычное для англійскаго учебника по этому предмету.

Такимъ-же шаблоннымъ характеромъ отличается содержаніе и всѣхъ остальныхъ главъ книги. Глава II излагаетъ ученіе о терминахъ, ихъ раздѣленіи и процессахъ генерализаціи и спеціализаціи (стр. 8—13); гл. III,—о предложеніяхъ и ихъ видахъ,—затрогиваетъ между прочимъ вопросы о словесной формулировкѣ предложеній и квантификаціи предиката (стр. 14—20), что должно быть поставлено въ заслугу книжкѣ, общую, впрочемъ, ей съ многими другими англійскими учебниками; по поводу IV и V главъ,—о предикабиліяхъ (стр. 21—26), соозначеніи и означеніи, опредѣленіи и раздѣленіи (стр. 27—34),— можно только замѣтить, что содержаніе ихъ съ большимъ удобствомъ и болѣею пользою для читателя или учащагося могло-бы быть разбито по разнымъ отдѣламъ II-ой и III-ей главъ; обзорѣніе въ гл. VI—XIII непосредственныхъ умозаклученій и разныхъ видовъ силлогизма (стр. 35—69)—достаточно обстоятельно для маленькаго учебника и страдаетъ только преобладаніемъ формулъ надъ конкретными примѣрами и крайней банальностью послѣднихъ (напр., „все люди смертны“, „нѣкоторые люди носятъ сюртуки“, „ни одинъ человекъ не есть корова“ и т. п.); то-же слѣдуетъ сказать и касательно трактата о софизмахъ (гл. XIV, стр. 68—76); ученіе объ индукціи (гл. XV—XVI, стр. 77—90) изложено очень толково и снабжено примѣрами достаточно интересными и наглядными. Изъ приведеннаго перечня содержанія

логики Уэтерли видно, что въ ней недостаетъ трактатовъ— о доказательствѣ, его видахъ и приѣмахъ, о методѣ и о примѣненіи логическихъ приѣмовъ въ различныхъ специальныхъ наукахъ (прикладная логика).

Къ числу достоинствъ книги должно быть отнесено обиліе таблицъ, облегчающихъ отчетливое усвоеніе изученнаго матеріала. Также достоинствомъ является и то обстоятельство, что изложеніе правильныхъ логическихъ приѣмовъ всюду сопровождается указаніемъ возможныхъ ошибокъ и неправильностей. Недостатками-же разсматриваемаго сочиненія, кромѣ указанныхъ выше, являются—пристрастіе автора къ черезчуръ детальному и часто совершенно ненужному дробленію излагаемаго матеріала, отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній на литературу предмета, неправильное толкованіе законовъ мышленія и нѣкоторые другіе.

Переводъ этой книги на русскій языкъ сдѣланъ чрезвычайно плохо: онъ полонъ неточностей и неправильностей, нерѣдко изобличающихъ въ переводчикѣ совершенное незнакомство съ предметомъ. Напр., на стр. 71 читаемъ вмѣсто „амфиболія“—„амфибологія“, а на стр. 76 тотъ-же предметъ названъ „амфибологіей“; на стр. 74 „*petitio principii*“ переводится „выпрашиваніе вопроса“; на стр. 75 „*circulus in demonstrando*“ переведено „доказательство въ кругъ“ и „*ignoratio elenhi*“—„названіе (sic!) опроверженія“; на стр. 36 отношеніе сужденій I и O названо „*надъ*—противностью“; на стр. 51 второй модусъ второй фигуры категорическаго силлогизма названъ „*Samastres*“ вм. „*Samestres*“ и т. д. и т. д. Нерѣдко встрѣчается безграмотность въ родѣ—„свинья ѣсть яблока“ (стр. 71). Вообще, недостатки переноса такъ велики, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя рекомендовать вниманію русскихъ читателей.

V.

Hans Cornelius, Versuch einer Theorie der Existentialurteile. München, 1894. SS. 104, in 8°.

„Исслѣдованіе, имѣющее своимъ предметомъ сущность экзистенціальныхъ сужденій,—говоритъ авторъ,—по существу дѣла, не можетъ имѣть исходнымъ пунктомъ исчерпывающее опредѣленіе этихъ сужденій; въ лучшемъ случаѣ

такое опредѣленіе можетъ образовать лишь заключеніе изслѣдованія“ (стр. 5). Такова неопредѣленность взятаго авторомъ вопроса. Но такъ-какъ невозможно изслѣдовать предмета, не имѣя никакой возможности выдѣлить его изъ ряда другихъ сходныхъ съ нимъ предметовъ, то для автора возникаетъ потребность хоть въ какомъ-нибудь предварительномъ опредѣленіи экзистенціальныхъ сужденій. Въ качествѣ такого предварительнаго опредѣленія онъ принимаетъ слѣдующе: „экзистенціальными сужденіями называются такія познанія или выраженія, которыя какимъ-либо образомъ относятся къ *бытію* мыслимаго содержанія“ (S. 6).

Послѣ такого опредѣленія предмета своего изслѣдованія авторъ въ I-й главѣ (SS. 7—32) рассматриваетъ воспріятіе, какъ дѣятельность, посредствомъ которой мы прямо познаемъ бытіе наличнаго содержанія нашего сознанія, и—формы, въ которыхъ мы выражаемъ эти свои познанія. Воспріятіе Корнелиусъ опредѣляетъ, какъ „Подмѣту феноменовъ нашего сознанія“ (S. 7). Такое опредѣленіе оправдывается тѣмъ, что во множествѣ нашихъ одновременныхъ или послѣдовательныхъ ощущеній одни остаются незамѣченными, какъ-бы ускользаютъ отъ вниманія, а другія замѣчаются. Вотъ этой-то разницей мы и должны воспользоваться для характеристики слѣдующаго за простымъ ощущеніемъ познавательнаго акта, — воспріятія (S. 11). Воспріятіе, будучи противоположно неподмѣчаемому существованію извѣстнаго содержанія въ сознаніи, — тождественно съ произвольнымъ или непроизвольнымъ разложеніемъ содержанія нашего сознанія на его послѣдовательные или одновременные компоненты (S. 13). Такъ-какъ анализъ одновременныхъ частей содержанія сознанія сводится, въ послѣдней инстанціи, на анализъ послѣдовательныхъ содержаній, а этотъ послѣдній есть не что иное какъ различеніе настоящаго содержанія сознанія отъ предшествующаго, то, стало-быть, воспріятіе извѣстнаго содержанія состоитъ въ отличеніи его отъ того, что было воспріято прежде (S. 13). Въ этомъ и состоитъ простѣйшее познаніе извѣснаго содержанія нашей душевной жизни (S. 17). Становясь сужденіемъ, это знаніе, поскольку оно констатируетъ *бытіе* въ нашемъ сознаніи извѣстнаго воспріятого содержанія, какъ таковаго, есть *экзистенціальное сужденіе* (S. 18). Раз-

смотрѣвъ затѣмъ вопросъ о выраженіи этихъ сужденій въ формѣ предложенія (SS. 21—28), авторъ говоритъ о достовѣрности основанныхъ на воспріятіи сужденій (SS. 29 ff). Эта достовѣрность зависитъ отъ того, дѣйствительно-ли и полно-ли вспоминаются тѣ феномены, въ отношеніе къ которымъ я ставлю настоящій воспринимаемый феноменъ (S. 30). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только объ истинѣ субъективнаго сужденія, а не о его объективномъ значеніи (ibid). Истинность основанныхъ на воспріятіи сужденій, сообщаемыхъ намъ другими людьми, зависитъ отъ того, правильно-ли пользуется словами говорящій (ibid).

Во II-й главѣ Корнеліусъ разсматриваетъ ощущеніе и воображеніе и основанныя на нихъ сужденія (SS. 32—45). Въ III-ей-же главѣ, опираясь на результаты этого изслѣдованія, онъ старается опредѣлить смыслъ тѣхъ утверждений, которыя касаются бытія не даннаго на лицо содержанія сознанія (SS. 45—41). Когда я утверждаю, что существуютъ чернокожіе люди, и не вижу въ то-же время негра, то ясно, что я утверждаю не бытіе содержанія моего наличнаго представленія въ моемъ сознаніи, ибо содержаніе послѣдняго въ этомъ случаѣ есть образъ чернаго человѣка, а мое сужденіе, само собою понятно, не тождественно съ утвержденіемъ, что существуетъ этотъ образъ (хотя, конечно, и это утвержденіе содержится въ немъ). Какой-же, спрашивается, смыслъ соединяется здѣсь съ понятіемъ существованія? (S. 45). Экзистенціальныя сужденія этого рода суть, по мнѣнію автора, сужденія, выражающія на основаніи прежняго опыта *ожиданіе*, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ будущемъ содержаніе даннаго образа можетъ быть предметомъ нашего собственнаго или чужого воспріятія (S. 46). Если-же сужденія этого рода, опираясь, съ одной стороны, на *воспоминаніе* нашего прежняго опыта, а съ другой, — на *сообщенія* другихъ людей, суть *индуктивныя*, то, значить, вопросъ о нихъ распадается на три отдѣльныхъ вопроса: 1) о сужденіяхъ, основанныхъ на воспоминаніи, 2) объ основаніяхъ для убѣжденія въ правильности нашего толкованія чужихъ сообщеній и 3) объ индукціи, уполномочивающей насъ ожидать при извѣстныхъ условіяхъ возможности имѣть извѣстный опытъ (ibid.). Первый изъ этихъ вопро-

совъ разсматривается авторомъ ниже, въ V-й гл. (SS. 86—100). Что касается индукціи, то, по его мнѣнію, она выражаетъ собою убѣжденіе въ постоянствѣ и неизмѣнности тѣхъ объективныхъ условій, которыя дѣлаютъ возможнымъ воспріятіе, и покоится на всемъ раннѣйшемъ опытѣ каждаго изъ насъ (SS. 46—48). Подобное же основаніе имѣетъ и наше довѣріе къ чужимъ сообщеніямъ: мы разсматриваемъ слова другихъ индивидуумовъ, аналогично нашимъ собственнымъ словамъ, какъ обусловленные теченіемъ представленій этихъ индивидуумовъ (SS. 48).

Глава IV посвящена полемикѣ съ теоріями экзистенціальныхъ сужденій Юма (SS. 62—71), Джемса Милля, Джона Стюарта Милля, Бэна, Стау, Джемса (SS. 71—82) и Brentano (SS. 82—86).

Въ заключительномъ обзорѣни (гл. VI, стр. 100—104) авторъ говоритъ о гносеологическомъ значеніи теоріи экзистенціальныхъ сужденій. „Понятія объ истинномъ и ложномъ, говоритъ онъ, находятъ свое мѣсто только тамъ, гдѣ извѣстное содержаніе употребляется, какъ символъ другого. Старое опредѣленіе истины, гласящее, что ее надо искать въ согласіи представленій и ихъ соединеній съ представляемыми предметами и ихъ отношеніями, или, — какъ измѣнилъ его Логге, — что соединенія представленій тогда бываютъ истинны, когда они сообразуются съ отношеніями представляемыхъ содержаній, которыя суть одни и тѣ-же для всякаго представляющаго сознанія, даетъ ясно видѣть, что вопросъ объ истинѣ никогда не простирается на одно содержаніе или на связь содержаній, какъ таковыхъ, а всегда — на ихъ значеніе какъ символовъ другихъ содержаній“ (S. 103). Вопросы о критеріѣ истины авторъ почти не касается.

Сочиненіе Корнеліуса мы, не обинуясь, должны назреть весьма цѣнной монографіей. Вопросъ взять имъ небольшой, но, въ намѣченныхъ имъ себѣ рамкахъ, облѣдованъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Ясность изложенія, точность выводовъ и строго научный характеръ работы, выразившійся, между прочимъ, въ умѣннѣ автора съ честью отстаивать свои воззрѣнія противъ такихъ крупныхъ мыслителей, какъ Милль, Бэнъ, Джемсъ и Brentano, даютъ полное право рекомендовать эту книгу самому серьезному вниманію спеціалистовъ.

VI.

I. *Kodis*. Zur Analyse des Apperceptionsbegriffes. Eine historisch-kritische Untersuchung. Berlin. 1893. SS. 202. in 8°.

Отношеніе „апперцепціи“ къ „волѣ“ есть одна изъ главныхъ проблемъ новѣйшей психологіи и гносеологіи. Авторъ разсматриваемой книги предполагалъ сначала дать историческое изслѣдованіе развитія понятія объ апперцепціи и изложеніе его отношеній къ понятію воли. Но при ближайшемъ изученіи предмета задача его расширилась. Ему стало ясно, что подъ простымъ, повидимому, споромъ о взаимномъ отношеніи двухъ „душевныхъ функцій“ скрывается великая борьба, исходъ которой долженъ или включить психологію въ рядъ естественныхъ наукъ, или же указать для нея противоположное послѣднимъ и изолированное положеніе. Подъ понятіями „апперцепціи“ и „воли“ нашла себѣ убѣжище всѣ взгляды, борющіеся противъ механическаго воззрѣнія на „психическія“ явленія. Уже подчеркиваніе „спонтанейности“ въ теоріи апперцепціи Лейбница возникло, какъ противовѣсъ Декартовскому механическому воззрѣнію. И этотъ споръ изъ-за „психической механики“ продолжается съ неохлаждающимся жаромъ до нашихъ дней. Такое положеніе дѣла и дало автору поводъ выступить съ своимъ опытомъ по этому старому вопросу (SS. 3—5).

Книга *Kodis*'а распадается на двѣ части,—историческую (SS. 7—152) и положительную (SS. 153—202). Въ исторической части разобраны ученія объ апперцепціи—Декарта (SS. 7—16), Лейбница (SS. 17—33), Вольфа (SS. 33—38), Канта (SS. 38—48), Гербарта (SS. 48—75), Штейнтала (SS. 75—96), Лацаруса (SS. 96—104), Вундта (SS. 104—145) и Авенаріуса (SS. 146—152).

Въ положительной части своего сочиненія авторъ, какъ самъ заявляетъ, примыкаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ къ *Ричарду Авенаріусу*, основывается на результатахъ его капитальнаго труда—„*Kritik der reinen Erfahrung*“. Такъ какъ эта книга Авенаріуса у насъ въ Россіи почти совершенно неизвѣстна, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ ея общемъ характерѣ ¹⁾).

¹⁾ Вслѣдствіи мы надѣемся дать болѣе или менѣе подробную рецен-

Авенариусъ въ своей „Критикѣ чистаго опыта“ не думалъ создавать никакой теоріи апперцепціи и писалъ ее, все имѣя въ виду никакой опредѣленной такой теоріи. Книга его имѣетъ задачей разработку общей и описательной теоріи знанія. Но, по существу дѣла, она содержитъ главные моменты, соотвѣтствующіе тѣмъ явленіямъ, которые обозначаются именемъ апперцепціи. Выставить эти моменты и сопоставить ихъ съ другими теоріями и составляетъ задачу автора. Вопреки раннѣйшимъ теоріямъ познанія, исходившимъ обыкновенно изъ „непосредственно даннаго сознанію“ и опиравшимся въ своемъ изслѣдованіи на „внутренній опытъ“, Авенариусъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ тотъ самый, который является первоначальнымъ и для наивнаго, не философскаго человѣчества. Такимъ исходнымъ пунктомъ для всякаго человѣческаго индивидуума служить не „сознаніе“, а то, что онъ называетъ „вещами“ или „мыслями“. Только чрезъ *измѣненіе* этого простѣйшаго міропредставленія мы можемъ придти къ идеалистическому или матеріалистическому міровоззрѣнію. Критическое изслѣдованіе знанія должно имѣть исходнымъ пунктомъ это-же самое понятіе о мірѣ. Въ этомъ состоитъ первая особенность Авенариусовой гносеологии. Второю особенностью является то, что онъ въ своемъ изслѣдованіи не желаетъ всецѣло опираться на „внутренній опытъ“; въ началѣ своего критическаго изслѣдованія онъ еще не чувствуетъ себя обязаннымъ дѣлать какое либо принципиальное различеніе между „внѣшнимъ“ и „внутреннимъ“ опытомъ. Единственно что онъ имѣетъ въ виду— это изслѣдовать отношеніе человѣческаго индивидуума къ окружающей его средѣ. Его принципиальное допущеніе состоитъ въ томъ, что человѣческіе индивидуумы могутъ высказывать нѣкоторыя реальныя утвержденія касательно окружающей ихъ среды. Задачей своей работы онъ и ставитъ опредѣненныя формы зависимости между познавательными сужденіями человѣка и окружающей его средой. Выполненіе этой задачи обставлено массой спеціальныхъ разъясненій и сопровождается громаднымъ количествомъ математическихъ формулъ, такъ что входитъ касательно этого въ какія-либо подроб-

зію этой во многихъ отношеніяхъ заслуживающей самаго серьезнаго вниманія книги.

ности въ настоящей краткой замѣткѣ мы не считаемъ возможнымъ.

Конечный результатъ изслѣдованія Kodis'a, опирающагося, какъ сказано, на гносеологію Авенариуса, — таковъ: механический принципъ, какъ его понимаетъ Декартъ, т.-е. принципъ зависимости психическихъ явленій отъ біо-механическихъ прецессовъ, въ настоящее время въ психологіи получаетъ принципиальное значеніе ¹⁾ (S. 201). Апперцепцію авторъ понимаетъ, какъ „познаніе, ставящее мыслимое содержаніе въ отношеніе къ мыслящему субъекту и внѣшнему предмету“ (S. 193) или, точнѣе, „рефлективное познаніе“ (ibid. et passim), включающее въ себѣ три момента: „я“, „предметъ“ и „воспринимаемое содержаніе“ (S. 199).

По своимъ научнымъ достоинствамъ книга Kodis'a стоитъ вполне на уровнѣ тѣхъ требованій, какія въ настоящее время предъявляются къ философскимъ работамъ этого рода, и можетъ считаться полезнымъ вкладомъ въ психологическую и гносеологическую литературу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Тихомировъ.

¹⁾ Что такое возрѣніе не заключаетъ еще въ себѣ материализма, за это ручается уже одно имя Декарта, къ которому оно примыкаетъ.